

18+

Алексей Казаков

**СЛЫШИШЬ ТОПОТ
БЕГУЩИХ СЛОНОВ?**

Повесть

Алексей Казаков
**Слышишь топот бегущих
слонов? Повесть**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937082
ISBN 9785005318657*

Аннотация

Повесть о драматических взаимоотношениях отца и сына в эпоху резких социально-политических перемен в стране, когда сместились все нравственные координаты даже внутри семей. Можно ли и нужно мстить близким людям за предательство? Особенно если они не понимают своего предательства? И до каких пределов может дойти месть?

Содержание

Слышишь топот бегущих слонов?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Слышишь топот
бегущих слонов?
Повесть**

Алексей Казаков

© Алексей Казаков, 2022

ISBN 978-5-0053-1865-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слышишь топот бегущих слонов?

1.

Они долго шли по тихому летнему дубовому лесу. Семилетний Кириллка, озиравшийся на кроны деревьев, споткнулся о вздыбившийся и уползший на тропинку корень, упал, уронил самодельный газетный кулёк с конфетами-подушечками и заплакал от досады и боли в пальцах правой ноги.

– А ну-ка без сырости! – деланно-сурово приказал отец, посадил сына на плечи и понёс его в сторону шоссе.

– Давайте, парни, в кузов, – предложил пожилой шофёр грузовика, согласившийся их подвести. Возможно – об этом свидетельствует обращение «парни» – водитель принял их за старшего и младшего братьев.

Отец подсадил Кириллку на край борта машины, – и мальчик ахнул от восторга: кузов был доверху заполнен душистой пшеницей.

Так, лёжа на пшенице, они и поехали в сторону причала. Кириллке казалось, что он в странной четырёхугольной пустыне, где каждая песчинка вдруг выросла и удлинилась. Потом он, повинувшись, наверное, какому-то древнему инстинкту, а может просто из озорства, но не от голода, набрал в рот пшеницы и стал её жевать, ощущая, как из совокупности зёрен появляется тугой влажный комок...

2.

– Вставай, сторишь! – Ленка растолкала меня, согнала внезапный сон.

Солнце подвинулось, и тень от индийской пальмы убежала с моего камышового лежака. Пришлось с балкона трехзвёздочного номера, где мы поселились, перейти в комнату, под кондиционер – гудящий, дышащий холодом и шевелящий панелями, словно губами.

Семилетним Кириллкой – человеком, ныне существующим только в моих снах, был когда-то я. В наследство от того мальчика мне достались его имя и биография, меняющаяся с возрастом в акцентах.

– Знаешь, мне опять приснился этот сон с пшеницей.

Моя молодая жена тяжело вздохнула.

– М-да, – сказала Лена. – Колбасит тебя... Подсознание...

Переживаешь ты, дружок.

Я достал из сумки телефонную – старомодную, потрёпанную, бумажную – книжку, заварил себе чая, набрал номер. Трубку подняли сразу. Женский голос что-то сказали на хинди. Потом прозвучало английское «хеллоу».

3.

– День добрый, – сказал я по-английски. – Могу я услышать Ганика, пожалуйста?

– О'кей, – откликнулась невидимая собеседница. Что-то

щёлкнуло. Послышалось «хеллоу» уже голосом Ганика.

– Салям алейкюм, Ганифа Мирзабала-оглы.

– Салям алейкюм, – прозвучало в ответ с азербайджанскими выговором и интонациями.

– Ганик, это я. Я приехал, – сказал я по-русски.

В трубке слышался какой-то шорох.

– Привет, привет! То-то слышу знакомый голос, – теперь уже Ганик говорил по-русски с едва заметным акцентом. –

Ты один?

– Нет, с женой.

– Так. Тогда я подъеду утром. Ты ведь просил о разговоре тет-а-тет?

– Да.

– Понятно. Я буду в 8.30. До встречи, – немного рассеянно, видимо, думая уже о чём-то другом, ответил Ганифа.

4.

«...Сегодня мы высадились в поисках пресной воды на необитаемый остров, который жители соседних островов называют почему-то «Во-Во». Остров оказался небольшим, лесистым участком суши, похожим по форме на восьмёрку. Обрывистые берега, крутые и отвесные, делали его недоступным морякам с проплывающих кораблей, а холмистая неровная поверхность не давала возможности приземления самолётам. В одном месте неожиданно осела порода и сделала возможным проникновение на остров. В разведку пошли

вдвоём – матрос (то есть я) и капитан.

По крутому склону, цепляясь за ветви неведомых кустарников, мы поднялись наверх. Густой кустарник почти сразу же перешёл в непроходимые дебри. Проникновение вглубь казалось невозможным, как вдруг капитан заметил неподалёку узенькую тропинку, протоптанную какими-то животными. Животные были, по-видимому, высокого роста, с длинными ногами. Кусты на высоте человеческого роста были ощипаны; на тропинке чётко выделялись их крупные копыта, разделённые на три части. Нам удалось мельком увидеть такое животное. Его крупное серо тело мелькнуло на мгновение среди кустов, затем раздался хруст валежника, и животные скрылись в чаще.

Вскоре стали попадаться высокие деревья, с гладко отполированными стволами, коричневыми и с жёлтыми пятнами. Их листья напоминали листья пальм, но были уже и гуще. Среди листьев выделялись плоды нежно-розового цвета. До нас доносился аромат, похожий на запах розового варенья.

Капитан нашёл длинную палку и попытался сбить один такой плод. Плоды были довольно высоко, приходилось подпрыгивать или подкидывать вверх палку. Каждое неловкое движение вызывало смех, но мы тогда и не подозревали, какую опасность представлял для нас шум, производимый нами. Неожиданно в кустах раздался шелест, и в кустарниках показалась уродливая голова на узком туловище с тусклыми

как олово глазами, затем другая, затем третья. Первая голова разинула пасть, и оттуда показалось длинное раздвоенное жало. Мы не сразу сообразили, что перед нами какая-то разновидность огромных змей, возможно, ядовитых...».

5.

Мы с Гаником познакомились в небольшом подмосковном городке, где я работал в районной администрации пресс-секретарём, а Ганифа – телохранителем местного мэра, Юрия Аркадьевича Казнова. Взаимной симпатией и доверием друг к другу мы прониклись после истории с тикающим пакетом.

...В тот вечер в здании администрации находились всего несколько человек: мэр, я, готовивший выступление Казнова ко Дню медицинского работника, Ганифа, терпеливо ждущий в приёмной окончания работы первого человека района, а также водитель Казнова, секретарша и три «чоповца» – охранники здания.

В кабинет ворвалась секретарша Женечка и возбуждено затараторила:

– Тут позвонили, говорят – бомба между вторым и третьим этажом, на площадке. Юрий Аркадьевич просит вас срочно зайти к нему.

Глава района строго и осуждающе смотрел на меня, чуть покачивая головой из стороны в сторону.

– Милицию вызвать – это ты хорошо предложил, оригина-

нально. И как же это я сам без тебя не догадался, – язвил он. – Но! Ты разве не понимаешь, что это бросит тень на администрацию и на меня лично? В здание, где обитает власть, бомбу занесли! Или что там, граната?

– Не знаю, Юрий Аркадьевич, – почтительно и негромко ответил я.

– Если будем тянуть, так никогда и не узнаем. Давай сами.

– Что... как – сами?

– Пусть Ганифа выбросит этот пакет в окно. Только подальше – в сторону мусорных контейнеров.

– Но... – попытался я возразить, – Юрий Аркадьевич, там ведь бывают бомжи...

Казнов вскочил с места, навалился животом на стол и хлопнул ладонью по огромному альбому по живописи, подаренному ему на недавний 50-летний юбилей.

– Пулей! – заорал он.

Я, взвинченный, влетел в приёмную, подозвал Ганика, и мы под встревоженным взглядом секретарши вышли в коридор. Услышав о распоряжении главы, Ганифа не стал задавать лишних вопросов, только сказал отрывисто:

– Быстро все уйдите.

– Сейчас все уйдут, а я останусь с тобой.

– Ты тоже уйди. От греха...

– Кончай командовать, – ответил я. – Нам поручено обоим.

Мы спустились на площадку между третьим и вторым эта-

жами и подождали, когда глава района, секретарша, водитель и охранники здания выйдут на улицу. Через окно было видно, как они сели в чёрный служебный джип и отъехали.

В грязном, потёртом пакете что-то тикало. Мы с Ганифой встретились глазами.

– Вот что, дорогой. Давай я сам. Если что... будет один труп. А так – два.

– Ганифа, – сказал я внешне спокойно, хотя внутри я оцепенел от страха, который норовил схватить спазмом и горло. – Давай так: я остаюсь здесь. Если что-то не так... короче, не считай меня дешёвкой.

Ганик потёр подбородок и произнёс негромко:

– Угу. Доходчиво. Чуть в сторонку, не заслоняй свет.

Я знал, что Ганик – бывший российский офицер, комиссованный по состоянию здоровья. Наверняка имел дело со взрывчаткой, минами и бомбами. Только бы всё получилось...

Ганик присел перед пакетом, и серая камуфляжная куртка натянулась у него на мощной спине. Полоска шеи между затылком с чёрными волосами и воротником куртки была мокрой.

Через секунду он держал в руках старый облупленный будильник. А ещё в пакете обнаружилась грязная скомканная рубашка, завёрнутая в газету надкушенная булка и пустой пузырёк-чекушка от дешёвой водки. Не иначе, какой-нибудь бомжеватый проситель или выгнанный из дома муже-

нёк-пропоица забыл своё походное имущество между этажами районного «белого дома».

Потом мы позвонили Юрию Аркадьевичу, все рассказали, и тот передал с одним их охранников здания бутылку дорогого коньяка, которую мы с Гаником выпили в моем крошечном кабинете под завалившиеся в столе сухарики.

Этот полукурьёзный случай сблизил нас, скрепив взаимным уважением.

Вот и теперь, в жарком индийском городе, куда переехал на ПМЖ бывший капитан Российской армии и бывший охранник, а ныне – бизнесмен Ганифа – я надеялся, что он мне не откажет в щепетильном деле. Тем более, что мероприятие будет неплохо оплачено. Речь пойдёт... не знаю, как и назвать это: то ли о мести одному человеку, то ли о наказании его.

6.

Вечером в открытом кафе, где смуглый пианист играл отрывки из Брамса, Моцарта, Грина, я, попивая за столиком с Леной красное сухое вино, думал о том, что сознание многих людей моего и более старшего поколений в своё время формировалось на книгах, к примеру, о Мистере-Твистере, о Незнайке (и на Луне, и в Солнечном городе), о Мальчише-Кибальчише, о Тимуре и его команде, а потом, уже в зрелые годы – на выращенных в агитколбах произведениях о Павке Корчагине, стихах о молодости, которая, как

помнится, водила в сабельный поход... но в то же время и на книгах Хемингуэя, Ремарка, Нагибина, Солоухина. А теперь бывшие читатели этих детских и недетских книг или решили в своём сознании многое отвергнуть, отторгнуть, рухнуть в потребительские крайности, и, очертя голову, упиться мутантной версией посткоммунистического капитализма, или же – как, например, выросшая в небогатой семье честных советских инженеров Ленка, – испытывали смутную неловкость в окружении атрибутов буржуазного успеха и постоянно чувствовали себя не в своей тарелке, а можно сказать – не в своём времени. Впрочем, это и меня касается.

Надо сказать, что Ленка толком не понимала, как это вдруг мы оказались в отеле на берегу моря. Она могла подумать, например, о большом моём гонораре за неведомую ей работу. Я не стал вдаваться в подробности и не рассказал ей о том, что наша поездка – это банальный бартер: турфирма путёвками расплатилась с радиостанцией, где я служил редактором. Да и деньги таким образом мне удалось сэкономить – они понадобятся для дела, которым займётся Ганик.

И здесь, среди экзотики и пряных запахов Индии, я после долгого перерыва встречу с отцом. Скорее всего, он придет со своей Дрессировщицей.

Отец женился на Дрессировщице спустя два года после смерти моей матери. Отцу было 47 лет, но и в этом возрасте

он делал стойку на двух руках. Особенно эффектно это удавалось ему на пляже, на песке или на гальке на фоне моря. Вот эта самая стойка на пицундском пляже и сразила Дрессировщицу; она как-то сама призналась – «и я рухнула как берёзка, срубленная под корешок».

Я в то время уже заканчивал учёбу в университете, поэтому все перемены в своей жизни воспринимал по-взрослому. И отца своего понял. И даже подружился с новой женщиной в своей покорёженной семье. Тогда она была Марией Антоновой. «Зови меня Машей», – просила он. Она была младше отца и старше меня на десять лет. Я обращался к ней на «вы», но звал Машей.

Дрессировщицей она стала много позже, после того, как в ответ на фразу отца «Вы думаете, лев постарел, и лесная молодёжь может начинать наглеть?» – я вклеил звонкую и болезненную для него фразу-пощёчину:

– Это ты-то лев? Да ты давно уже цирковой пудель, прыгающий на задних лапках перед строгой Дрессировщицей. А цирк твой называется – «Игра в буржуазную реставрацию»!

7.

Почти восемь утра. Заснуть так и не удалось. А скоро подъедет Ганифа.

Я побрился, заварил кофе, вышел с чашечкой на балкон. Шумели листья пальм на ветру.

Ганифа несколько не располнел за эти три года, что мы не виделись. Он вышел из джипа и оказался таким же высоким, сухопарым, каким я его помнил, на его кавказскую и без того смуглую кожу лёг загар Гоа и делал его неотличимым от местных обитателей.

Он поднялся к нам в номер. Мы обнялись, обменялись шутками-прибаутками, похлопали друг друга по плечам.

– Сколько лет, сколь зим...

Ганик поцеловал ручку Лене.

– Очень рад познакомиться.

– Я тоже слышала о вас много хорошего...

Ганик шутливо-виновато сдвинул брови:

– Можно, я украду вашего мужа ненадолго. Посидим с ним в кафе, поговорим. Выпьем кофе-мофе...

– Коньяка-маньяка, – в тон ему поддакнул я.

– Вот только без маньяков, пожалуйста, – усмехнувшись, попросил Ганик.

– ...Лимит на маньяков исчерпан в этом квартале, – с улыбкой продолжил он фразу, когда мы сели в машину и отъехали от отеля.

– И много их здесь водится, маньяков-то? – спросил я.

– Да нет, мало, – ответил старый друг. – Но объявился тут один недавно. Бывший наш. Простой советский человек, но уже имеющий местное гражданство. Месяц назад пришлось застрелить, когда хотел поджечь прогулочный катер.

– Ты стрелял? – полушутя-полусерьёзно спросил я.

– Нет, – просто и негромко, как бы устало, ответил Ганик. – Зачем? Работал штатный снайпер местной полиции. Я тут при чем? – пожал он плечами. – Я отвечал за организацию экскурсии от местной турфирмы. Ты что, думал – я тут киллером служу, что ли? – хохотнул Ганифа.

– Ну а что? Песня такая была в моём детстве: «есть много профессий на свете хороших...» Ладно. И тем не менее. – Я помолчал и через несколько секунд заговорил другим тоном. – Я привёз деликатный заказ, рассчитываю на твою помощь.

Серебристая праворульная «исузу-трупер» Ганика бежала по почти пустынному утреннему шоссе. Мелькали отели, двухэтажные дома с розовыми кустами, между ними мусорные кучи и брезентовые синие жилища местных бедняков, остались позади католическая церковь, два торговых центра с горячей свалкой между ними, индуистский храм.

Мы остановились перед кафе-верандой.

Прежде чем выйти из машины, Ганифа, выключив двигатель и помолчав несколько секунд, спросил:

– Тебя очень сильно огорчили?

Я понял его вопрос правильно.

– Ганик, спокойно. Ни штатный, ни внештатный снайпер-хренайпер не нужен. Мне нужна в моих делах – ты не поверишь – Лейла.

– Лейла? – Ганик изумлённо посмотрел на меня, хлопнув длинными ресницами. – Лейла тебе нужна? Моя сестра? Ты

путишь?

– Нет, шутки в сторону. Нужны таланты Лейлы.

Мой друг скорчил утрированно удивлённую рожицу.

– Пока ничего не понимаю. – Ганик помолчал. – Ладно, пошли пить кофе.

Он что-то сказал официанту на хинди, и вскоре нам принесли кофе в маленьких белоснежных чашках.

– Насчет Лейлы... Ты меня удивил. Но она ведь уже много лет сидит дома – дети, то-сё, муж-торгаш, помогает ему: бизнес-шмизнес... даже не знаю, чем она тебе может быть полезна. Ты меня заинтриговал.

Ганифа отхлебнул кофе из крошечной белой чашки.

– Слушаю тебя.

– Ганифа, меня интересует тот её своеобразный талант, за который она пострадала в матушке-России. Пожалуйста, упроси её, это абсолютно безопасно. Материал имеет сугубо частный характер. Никакого криминала, – успокоил его я.

– Ах, вот оно что... Как быстро нужно сделать?

– Мне нужно всё здесь. Здесь будет встреча с тем, для кого Лейла подготовит материал. Примерно через две недели. В отеле «Розовый песок». Мне к этому времени нужно, чтобы всё было готово.

– «Розовый песок», знаю. Хороший отель. – Ганифа, затягиваясь вишнёвой сигареткой, глянул на меня. – Понял. Постараюсь уговорить сестричку.

– Вот и хорошо, – просто ответил я. – Спасибо, старина.

8.

Вечером Ленка читала дамский роман по-английски, что-то подчёркивала в нём карандашом, видимо, переводила очередную муть для очередного жуликоватого частного издательства, где она служила после нищенской зарплаты в средней школе, в которой зимой часто вырубалось отопление, и приходилось учителям и ученикам, дыша морозным паром и часто болея, преподавать и осваивать науки почти в экстремальных условиях. Пришлось Ленке уйти из школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.